

В. И. КОРОВИН

ЖИЗНЬ

И ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА

ИВАНА КРЫЛОВА

Москва 2024 Литфакт

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава первая. Рождение сочинителя	9
Семья. В Петербурге. Первые драматические опыты. Конфликт с Княжниным и Соймоновым.	
Глава вторая. Писатель, издатель, журналист	89
Отклики в России на революцию во Франции 1789–1793 гг. Французское, русское и русско-казенное просветительство. Кризис просветительства. Сатирическая проза и любовная лирика Крылова. Крушение надежд.	
Глава третья. Годы скитаний	271
Вне Петербурга. Стихи. Павловское царствование. «Подшипа» («Трумф»). «Пирог», «Лентяй». Возвращение в столицы.	
Глава четвертая. Новое царствование	343
«Драматический вестник». Последние комедии. Первые басни. Библиотекарь. Характер Крылова. Особенности мышления и изложения.	
Глава пятая. Баснописец	483
Несколько слов о европейской и русской басне до Крылова. Лафонтен, Сумароков, Хемницер, Хвостов и другие. Мирозерцание Крылова и его басенное творчество.	
Заключение	644
Примечания	649

УДК 82.821
ББК 83.3

Серия: «Критика и история литературы»

В. И. Коровин. Жизнь и литературная судьба Ивана Крылова. – М.: Литфакт, 2024. – 672 с.

Новая книга профессора Валентина Ивановича Коровина – масштабное исследование жизненного и творческого пути Ивана Андреевича Крылова (1769 ? – 1844). Биография прославленного поэта, баснописца и сатирика рассматривается на широком политическом и культурном фоне сменявших друг друга разных эпох в истории России, от Екатерининского до Николаевского царствований. «Загадочный» Крылов – дерзкий молодой сатирик, фрондер и карточный игрок; ленивец и обжора, герой многочисленных анекдотов, к которому испытывали симпатию и пиетет его великие современники; великий баснописец, вошедший как «дедушка Крылов» в национальный код русской культуры – трактуется в книге как сложная, но цельная человеческая и творческая личность. Новое исследование – продолжение разговора о Крылове, начатого автором в монографии «Поэт и мудрец. (Книга об Иване Крылове)» (1996).

На титульном листе – портрет Крылова работы О.А. Кипренского (Петербург, 13 марта 1816)

ISBN 978-5-6048221-4-2

© В.И. Коровин, 2024

© Издательство «Литфакт», 2024

ОТ АВТОРА

Жизнь и басенное творчество Крылова известны повсеместно. У любого русского человека крыловские басни на слуху и в памяти. Даже внешний облик «дедушки Крылова», словно близкого родственника, знаком и всегда безошибочно узнаваем. Его живописный портрет легко дополняется значимыми внутренними качествами – добротой и простодушием, лукавством и умом, ясной и зоркой наблюдательностью, насмешливостью и несуетным достоинством. Кажется, что о Крылове все и всё знают. Так повелось издавна, и тому были свои причины. Баснописец вел жизнь публичную, открытую, у всех на виду: долго служил, бывал в обществе, встречался с приятелями, часто печатался, выпуская в свет одну книгу басен за другой, а басни его читались опять-таки всеми, от мала до велика. Словом, Крылов был заметен, к нему ходили и его приглашали к себе. На улицах прохожие узнавали его, а в лавках ему готовы были отпустить товар, не спрашивая ни денег, ни имени. И потому уже при жизни сложился канонический литературный портрет Крылова, детали которого кочевали из одного сочинения в другое. Один из остряков начала XIX века, блестящий офицер С.Н. Марин шутиливо писал о Крылове:

В постеле век лежит Андреич Косолапой
И тем лишь не медведь, что лапу не сосет.
Всяк в дураках теперь, его кто басен ждет.
Забывши муз, и чтя обжорство и Морфея,
Лишь сон и пироги в уме сего злодея¹.

С описанием С.Н. Марина сходны и веселые стихи К.Н. Батюшкова в сатире «Видение на берегах Леты», где живые литераторы изображены умершими и те, чьи произведения утопают в реке забвения, неминуемо попадают в ад.

Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранном,
В пуху, с косматой головой.
С салфеткой, с книгой под рукой:
«Меня врасплох, – она сказала, –
В обед нарочно смерть застала;
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов:
Теперь же час, друзья, обедать,
Я – вам знакомый, я – Крылов!»

¹ *Марин С.Н.* Полное собр. соч. М., 1948. – С. 175. (Летописи Гослитмузея. Кн. 10).

От автора

«Садись сюда, приятель милый.
Здоров ли ты?» – «И так, и сяк». –
«Ну, что ж ты делал?» – «Все пустяк –
Тянул тихонько век унылый.
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни, – все купай, купай!»
О, чудо! – всплыли все, и вскоре
Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай»¹.

Читая воспоминания современников баснописца, можно подумать, что Крылов только и делал, что ел, спал, нехотя отбывал службу, хаживал или езживал к друзьям и в Английский клуб да пописывал свои басни. Иногда, правда, взбрела ему в голову какая-нибудь странность, и по прошествии некоторого времени, как лакомым блюдом, удивлял писатель своих знакомцев, заставляя их оторопеть и восхититься выдумкой или способностями. Однажды ошарашил он знаменитого переводчика «Илиады» Н.И. Гнедича, выучив уже в пожилом возрасте греческий и с невозмутимым видом принявшись вполне профессионально, со знанием дела, толковать трудные места из Гомера. Но личность Крылова, как она вырисовывается в мемуарах, всевозможные странности даже предполагала. Они естественно входили в портрет баснописца, оттеняя устойчивые черты и сообщая этому портрету постоянство и жизненность. Оттого, может быть, внешние и отчасти внутренние штрихи и детали личного и творческого облика Крылова скрыли его душу, утаили то сокровенное, чем жила она долгие годы, и заместили в сознании встречавшихся с ним людей подлинное знание Крылова поверхностным.

Доступная всем для обозрения жизнь баснописца стала непроницаемым покровом, если не сказать панцирем, скрывшим от глаз посторонних главное содержание личности, ее тревоги, порывы, заботы, привязанности, противоречия, то есть все то, что в конечном итоге образует неповторимую человеческую индивидуальность, ее мирозерцание и психологический склад. Недаром современники оставили нам сравнительно мало доподлинных свидетельств о внутренней жизни Крылова и насытили свои воспоминания анекдотами, курьезными случаями, остротами, суждениями, выраженными в привычной для баснописца уклончиво-аллегоричной, притчеобразной форме. В таких мемуарах все броско, все напоказ. Они как бы уверяют: Крылов именно такой, и другого не было, да и быть не могло.

Однако в тех же воспоминаниях встречаются и совсем иные мысли, из которых следует, что всем знакомый «общий» портрет Крылова не совсем достоверен и далек от истины. Тут надо заметить, что каждый крупный писатель в какой-то мере загадочен, потому что его личность и произведения не поддаются однозначному, однолинейному истолкованию. Это в полной мере относится и к Крылову. И все-таки баснописец подпадает не только под общее правило. С ним случай особый.

Тот же Батюшков писал Н.И. Гнедичу 1 ноября 1809 года: «Крылов родился чудачком. Но этот человек – загадка, и великая!.. Играть и не проигрываться,

¹ Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. – С. 180–181.

скудость уметь соединить с дарованиями и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался...»¹ Слова эти примечательны. Батюшкова нисколько не удивляло, что Крылов – чудак. Мало ли чудаков на свете?! Удивляло другое: внутренняя противоречивость при исключительной цельности личности. Все вместе и составляло загадку, притом великую. Следовательно, Батюшков, впрочем, как и другие проницательные современники, чувствовал, что внутренняя жизнь Крылова тщательно спрятана, а чудаковатости, странности ее никак не освещают и не объясняют. Обеды, пироги, поросенок под хреном, кулебяка не помогают добраться до сути характера, до коренных свойств натуры, не позволяют проникнуть в мирозерцание. За всеми видимой внешней жизнью ощущалось присутствие жизни внутренней, о которой приходилось догадываться, но которую было трудно распознать.

В биографической, критической, научной и научно-популярной литературе о Крылове сложились, по крайней мере, три взгляда на соотношение творчества и бытового поведения писателя.

Наиболее «простую» версию предложил С.А. Фомичев. «Все творчество Крылова, – писал он, – противоречит его бытовому поведению последних сорока лет. Прижизненная его репутация зиждилась на снисходительном отношении к “человеческим слабостям” писателя. В анекдотах о Крылове “прославлены” обжорство и лень. Воистину можно сказать: как слаб человек!

Над «оригинальными» манерами посмеивались – сочувственно, но с оттенком невольного превосходства. Не было ли тут со стороны баснописца безошибочного расчета? При всем уме (а его было мудрено скрыть “даже” в баснях), “дедушка Крылов” был столь по-человечески понятен и прост»².

Итак, умнейший Крылов расчетливо выставляет напоказ «городу и миру» свои «человеческие слабости». Неудивительно поэтому, что басни, содержащие тонкий иронический яд, будто бы «противоречат» бесхитростной манере живого человеческого общения. При таком подходе, однако, остается совершенно неясным, с какой целью Крылов демонстрировал это противоречие, зачем проводил столь резкую грань между жизнью и творчеством, чего именно хотел он достичь разрушением внутренней цельности. Словом, во имя каких высших соображений он сознательно хотел казаться в жизни иным, чем в творчестве.

Другая точка зрения высказана М.А. Гординым в его книгах «Жизнь Ивана Крылова» и «Театр Ивана Крылова» (совместно с Я. Гординым)³. По утверждению М.А. Гордина, Крылов надел на себя маску ироника, закоренелого скептика, который выражал одинаковое недоверие ко всему на свете, исключив всякое «положительное» содержание из своего творчества. Согласно этому утверждению, писатель как бы застывает в позе скептического оценщика, для которого в нравственном мире, подлежащем наблюдению, изначально нет ничего достоверного. Сам баснописец также не обладает каким-либо твердым знанием, ибо все жизненные явления он испытывает с помощью одного инструмента – безотказно разрушающей иронии. Скепсису басенного рассказа соответствует

¹ Батюшков К.Н. Сочинения. – С. 392.

² Фомичев С.А. Баснописец Иван Крылов // Иван Андреевич Крылов. Басни. Сатирические произведения. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. – С. 18.

³ См.: Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова. М.: Книга, 1985; Гордин М., Гордин Я. Театр Ивана Крылова. Л.: Искусство, 1983.

и стойкое равнодушие к бытовой неустроенности, опять-таки сознательно культивируемой. Ироническая маска, надетая Крыловым, становится принципом его отношения к миру.

Привлекательность мысли М.А. Гордина состоит в устранении разрыва между творчеством Крылова и бытовым поведением баснописца. Но она достигнута слишком высокой ценой: оригинальность Крылова, по мнению М.А. Гордина, целиком рационалистического происхождения. Ироническая маска – плод умственных усилий, благодаря которым не только сочинялись басни, но и конструировался быт. И тут неожиданно М.А. Гордин смыкается с С.А. Фомичевым. Оба предполагают расчетливую установку баснописца, строившего заранее вымышленное неестественное поведение.

Между тем еще Белинский проницательно угадал, что «Крылов... искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом: напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою»¹.

Из этих рассуждений отчетливо вырисовываются три точки зрения. Согласно Белинскому, бытовое и литературное поведение Крылова соответствовало его натуре и потому его образ в народной памяти сложился естественно. По мнению С.А. Фомичева, Крылов нарочито и сознательно, ничего не скрывая, демонстрировал свои человеческие слабости, но не надевал на себя заранее придуманной личины. Маска, закрепившаяся за Крыловым, возникла сама собой, но не без рациональных усилий баснописца, которому почему-то потребовалось именно в этом образе – ленивого, неряшливого обжоры и умного человека, равнодушного ко всему и ни к чему не привязанного душой, – предстать перед публикой и остаться в людской памяти. М.А. Гордин, в отличие от других биографов, настаивал на исключительно рациональной и исключительно сознательной «обработке» Крыловым своего общественно-жизнейского образа. Маска Крылова утверждал он, сотворена им самим как литературное произведение фабулиста. Толпа, общество не выдумывали Крылова, а стали жертвой его фантазии, приняв литературный образ Крылова за его подлинный человеческий, жизненный облик. Маска Крылова заменила самого Крылова. Она понадобилась баснописцу, чтобы скрыть свою истинную личность. При этом в подобного рода «игровых» толкованиях поясняется, что ни поведение, ни творчество Крылова не заключали в себе никакого положительного содержания, ограничиваясь лишь ироническим и презрительным восприятием и воспроизведением человеческого мира.

Представление о рациональной «игре» Крылова, прячущегося за непроницаемой маской, развивают исследователи уже и в новом веке: «Из безобидных чудачеств и житейской мудрости и сложилась маска добродушного творца дидактических миниатюр. До сих пор не только в массовом сознании, но и в восприятии специалистов баснописец остается практически тем же “дедушкой” Крыловым, каким он виделся современникам. Непроницаемая литературность этого образа постепенно превратилась в подобие раковины, надежно защищающей своего хозяина и в то же время изолирующей его от внешнего мира»². Ту же линию про-

¹ Белинский В.Г. Полное собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 8. – С. 587.

² Лямина Е., Самовер Н. Поэт на балу. Три маскарадных стихотворения 1830 года // Лотмановский сборник. [Вып. 3]. М.: ОГИ, 2003. – С. 169.

должает и И.З. Серман, выступивший с докладом и статьей под характерным названием «Загадка Крылова»: поэт, по его мнению, «должен был надевать на себя личину или маску...»¹. Однако ученый не прояснил, с какой целью Крылову понадобилось защитить себя, добровольно изолироваться от внешнего мира и «работать» «над созданием образа чудака и ленивца». «Он, – продолжал И.З. Серман, – охотно распространял о себе анекдотические рассказы и по мере возможности держался привычного и всем известного образа жизни»². И.З. Серман, как и другие сторонники этой версии, не делает различия между сознательно-рациональным сотворением Крыловым своего вымышленного жизненно-литературного образа и снисходительно-равнодушным отношением баснописца к сложившемуся вне его усилий облику добродушного «старика», всеобщего «дедушки», который не отрицает вымысла общества о себе, а часто даже подтверждает его невольно своим поведением и баснями.

И все-таки надо признать, что в рассуждениях И.З. Сермана есть рациональное зерно. Оно связано с обращением к истории.

Как известно, Крылов воспитался в русском и европейском XVIII веке. В России после петровских преобразований гражданское общество только начало формироваться. Тогда же происходило и становление личности, которая ощутила, постепенно выделяясь из патриархального целого, разность между собой и государством. Но превращение человека в личность происходило необычайно сложно. Пожалуй, ни один век не породил столько странных, чудаковатых оригиналов среди дворянства, сколько русское восемнадцатое столетие. Дворяне, почувствовав вкус вольности, не знали, что с ней делать, насколько она широка и какие ограничения она налагает. Отсюда рождались необычайно оригинальные натуры, допускавшие неслыханные дотоле выходки, которые выражали свою чудаковатость во внешнем поведении, которое особенно бросалось в глаза. Было бы опрометчиво думать, что все эти чудаки сознательно культивировали свои странности. Еще не настало время, когда бы они могли выразить свои личные качества во внешнем поведении в соответствии со своим внутренним миром. Поэтому складывающийся и пока что не сформированный внутренний мир этих людей был закрыт. По самым разным причинам – личным и внеличным – люди русского восемнадцатого века не обнажали свои души. Конечно, и это надо добавить, каждый чудака был чудаком на свой лад, но все они не открывали свои сердца перед себе подобными. Крылов не был исключением из общего правила, его поведение было типичным.

И.З. Серман с полным основанием привел слова Герцена о своем отце, который, по убеждению мемуариста, «принадлежал к категории людей “оригинальных”»: «Когда он воспитывался, европейская цивилизация была еще так нова в России, что быть образованным значило быть наименее русским. <...> Он уважал, правда, Державина и Крылова: Державина за то, что написал оду на смерть его дяди князя Мещерского, Крылова за то, что вместе с ним был секундантом на дуэли Н.Н. Бахметева. <...> Людей он презирал откровенно, открыто – всех, <...> он вперед был уверен, что всякий человек способен на все дурное и если не делает, то или не имеет нужды, или случай не подходит...»³. Тут не лишне вспомнить пушкинское замечание в «Евгении Онегине»:

¹ Серман И. Загадка Крылова // Русская литература. 2006. № 4. – С. 169.

² Там же. – С. 165.

³ Герцен А.И. Полное собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1956. Т. 8. – С. 88.

От автора

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...

Есть, однако, одна тонкость: среди множества «оригиналов» XVIII века Крылов не выглядел чудачком. У нас нет никаких свидетельств этому. Необычным, странным человеком, «чудаком» он стал восприниматься лишь в начале нового, XIX столетия, когда внутренний мир человека как личности уже в достаточной мере сложился. В это время все стремились излить душу, раскрыть свой внутренний мир. В литературе уже появились чувствительные романы и повести, романы в письмах, всевозможные исповеди, путешествия, проза Карамзина, лирика и баллады Жуковского, стихотворения Батюшкова.

Крылов остался человеком ушедшей «закрытой» эпохи и именно на фоне нового времени воспринимался «оригиналом». Стало быть, маска, личина не была «литературным» произведением Крылова, сознательно им создаваемым, а была творчеством молвы, общества, которое баснописец либо поддерживал, либо ему противился. Как человеку XVIII века, современнику Екатерины II и Павла I, французской революции, ему надо было найти подобающее положение в обществе и в литературе. И Крылов не придумывал себя нового, не переделывался на новый лад, а сохранил в неприкосновенности свой внутренний мир, сложившийся в прошлом веке. Он даже выбрал для творческого познания мира басню – старинный жанр, уже почти исчерпавший себя и уходящий с литературной авансцены. Жанр, который расцвел в XVII–XVIII веках.

Крылов, не любя рассказывать о себе и не очень-то охотно раскрывая душу, не напускал, однако, на себя загадочность. Его загадочность была естественной, а не придуманной. Меньше всего она походила на сознательно избранную позу, хотя баснописец порой и подыгрывал своим собеседникам, как бы подтверждая установившееся о себе мнение и понимая, что репутация сонного, ленивого и невозмутимого обжоры защищает его от нескромного вмешательства слишком пристальных взоров. К тому же Крылов басенного периода совсем не похож на Крылова-комедиографа и прозаика. В молодости он рвался в литературный бой, сражался с противниками, а в более зрелом возрасте удостаивал их лишь насмешками, пуская в них одиночные стрелы, не позволяя втягивать себя в длительную полемику или уклоняясь от решительных осуждений.

Подобная перемена не укрылась от современников, помнивших, с каким пылом и страстью Крылов напал на Княжнина или Карамзина, и видевших, как потом мирно уживался фабулист с литераторами самых разных направлений и течений. Все это также подкрепляло убеждение в загадочности Крылова и его скрытности.

Так он – человек XVIII века и вошел в жизнь и литературу XIX столетия – всем знакомым и для всех загадочным. С тех давних пор, когда сложилась его легендарная прижизненная слава, и до нашего века, временем не поколебленная, «загадка» Крылова тревожит и волнует, властно побуждая еще и еще раз предпринять попытки к ее, пусть далеко не окончательному, разрешению.

Глава первая

РОЖДЕНИЕ СОЧИНТЕЛЯ

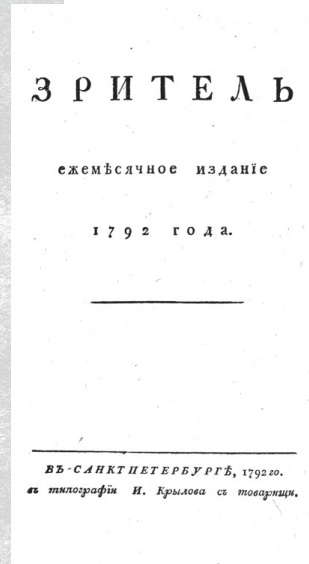
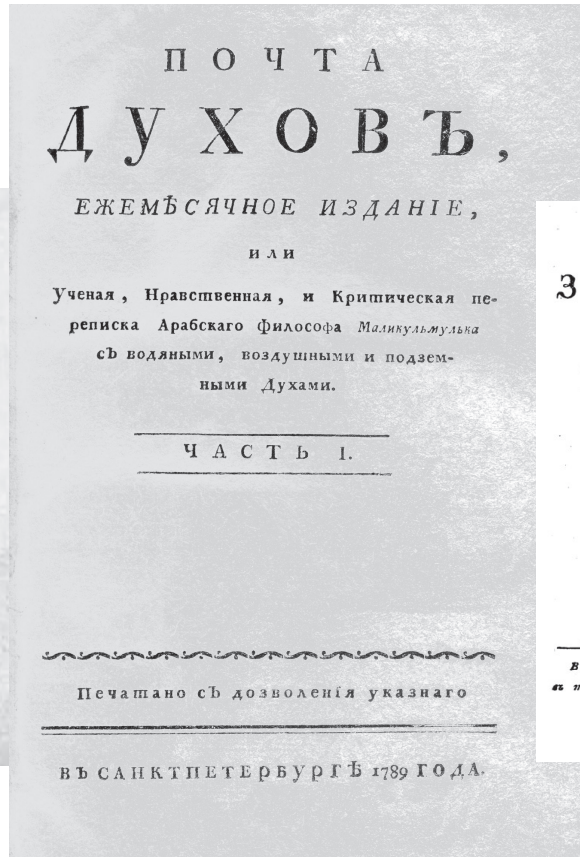
СЕМЬЯ. В ПЕТЕРБУРГЕ.
ПЕРВЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ.
КОНФЛИКТ С КНЯЖНИНЫМ
И СОЙМОНОВЫМ.

Глава вторая

ПИСАТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ

ОТКЛИКИ В РОССИИ НА РЕВОЛЮЦИЮ
ВО ФРАНЦИИ 1789–1793 гг. ФРАНЦУЗСКОЕ,
РУССКОЕ И РУССКО-КАЗЕННОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО.
КРИЗИС ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА.
САТИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА И ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА
КРЫЛОВА. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД.

Глава третья

ГОДЫ СКИТАНИЙ

ВНЕ ПЕТЕРБУРГА. СТИХИ.
ПАВЛОВСКОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ.
«ПОДЩИПА» («ТРУМФ»)
«ПИРОГ», «ЛЕНТЯЙ». ВОЗВРАЩЕНИЕ
В СТОЛИЦУ

Глава четвертая

В НОВОМ ВЕКЕ

«ДРАМАТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК».
ПОСЛЕДНИЕ КОМЕДИИ. ПЕРВЫЕ БАСНИ.
БИБЛИОТЕКАРЬ. ХАРАКТЕР КРЫЛОВА.
ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ
И ИЗЛОЖЕНИЯ

Глава пятая

БАСНОПИСЕЦ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЕВРОПЕЙСКОЙ
И РУССКОЙ БАСНЕ ДО КРЫЛОВА.
ЛАФОНТЕН, СУМАРОКОВ, ХЕМНИЦЕР,
ХВОСТОВ И ДРУГИЕ.
МИРОСОЗЕРЦАНИЕ КРЫЛОВА
И ЕГО БАСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

